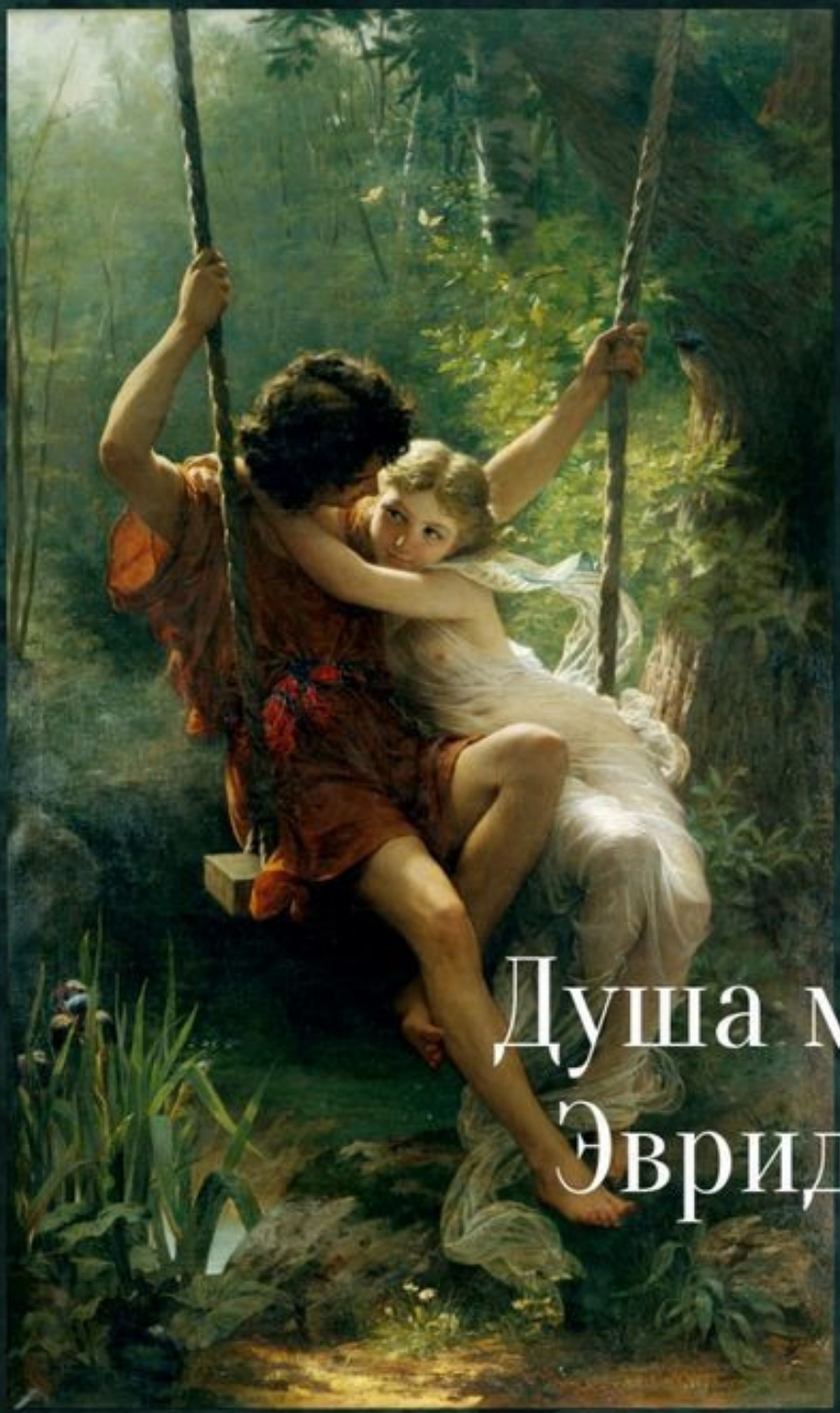
18+

ЕЛЕНА СОКОЛОВА

Душа моя – Эвридика

Елена Соколова

Душа моя – Эвридика. Почти подлинная история

«Издательские решения»

Соколова Е.

Душа моя – Эвридика. Почти подлинная история / Е. Соколова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969316-7

У истории Орфея и Эвридики за много веков было много интерпретаций. Нам мало что известно о прекрасной нимфе. Чем пленила она Орфея, причем настолько, что он решился идти за ней в Подземный Мир? И если положил столько сил, чтобы вернуть ее, то почему же все-таки обернулся? И — случайность ли это?Перед нами еще одна версия древней легенды, полная новых тайн и загадок, новый миф, рассказанный автором «на одном дыхании» — тем прекрасным слогом, который сегодня почти не встречается.

ISBN 978-5-44-969316-7

© Соколова Е.

© Издательские решения

Содержание

I. ТРЕУГОЛЬНИК 6
ВЛЮБЛЕННЫЕ 9
ПОДНОЖКИ 13
ВСТРЕЧА 17
РЕШЕНИЕ 21
ПРИГОВОР 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Душа моя – Эвридика
Почти подлинная история
Елена Соколова

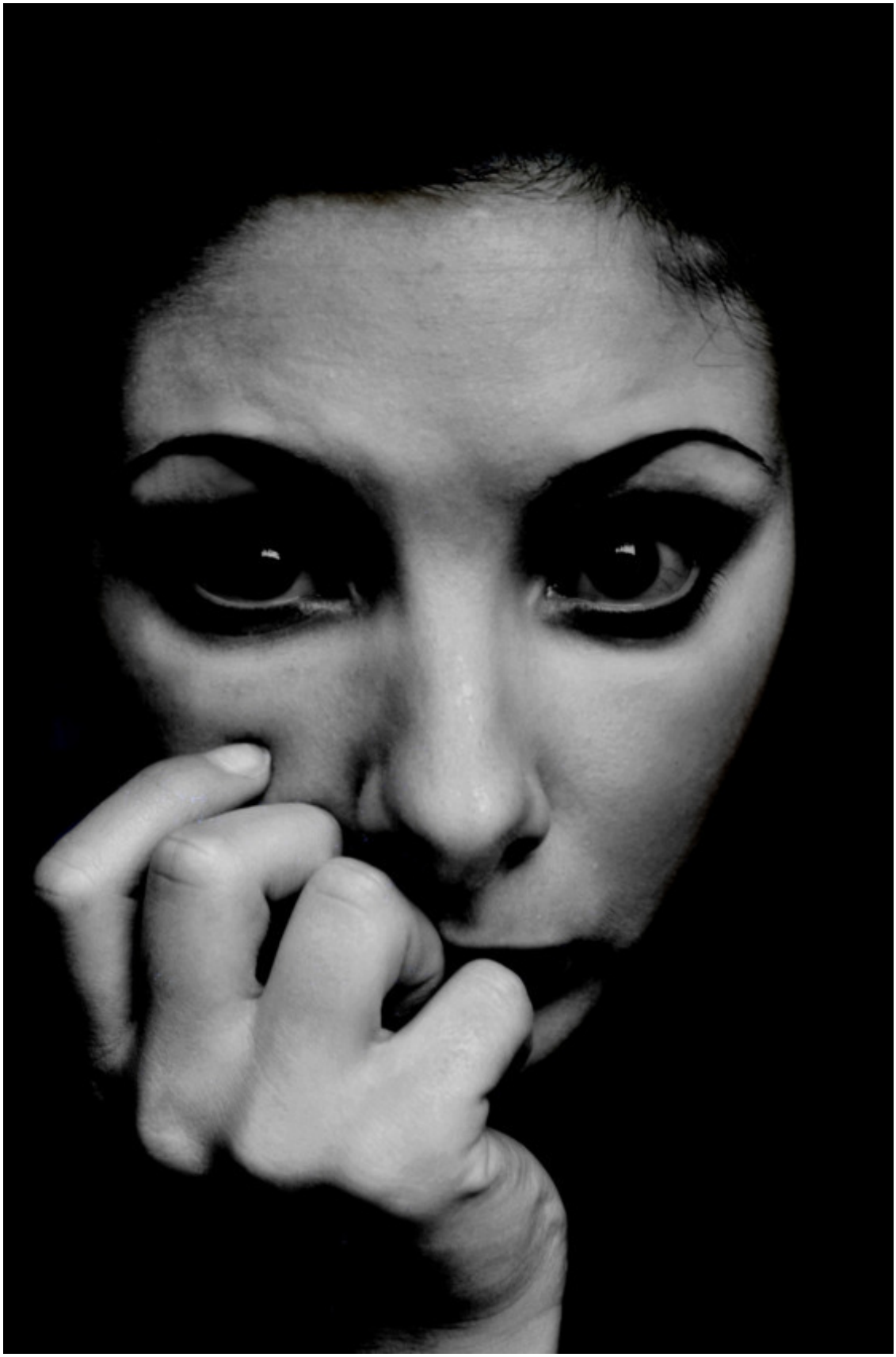
Эвридика (Εὐρυδίκη) – Всеобщий Закон
– От древнегреч. εὐρύς (эурюс),
«широкий, просторный, широко охватывающий»
+ δίκη (дике), «закон»

художник Пьер-Огюст Кот | Pierre-Auguste Cot The Metropolitan Museum of Art "Весна" (Les Printemps), 1873 *На обложке*

© Елена Соколова, 2023

ISBN 978-5-4496-9316-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. ТРЕУГОЛЬНИК ВЕЧНОСТИ
История первая

Мир дольней черноты без света и тепла,
Мир призрачных теней и вечной скорби,
Мир строгой тишины, где нет ответа

Ни крикам боли, ни тишайшим вздохам;
Там, в мрачной пропасти, где места нет надежде —
Ты вырастил цветок. В твоих чертогах – Роза,
И золотом горят ее шипы!
Взгляни же на нее! Чернильно-серой тьмой
Окутан венчик и трепещут листья
От жаркого дыхания земли,
От грохота громов и волн, что вместе с песней
Врываются к тебе, в твои пределы!
И голос мой, пронзив угрюмый камень,
Зовет цветок по имени и жаждет
В ответ услышать робкое признанье,
Которого не сможет удержать
Вся мощь Аида стен —
Пусть даже до Олимпа
Поднимутся они —
И всё собой закроют!
Орфей «Ода Черной Розе»

ВЛЮБЛЕННЫЕ

Вернувшись из похода за золотым руном, Орфей женился на своей любимой Эвридике и они поселились в тихом лесном уголке. Их уютный дом утопал в пышной зелени сада, на востоке сиял белизной горный хребет, а неподалеку протекал ручей, который так широко разливался, спускаясь с предгорий, что иногда походил на маленькую, быструю речку. За водой лучше было ходить вверх по горе, там, у корней огромной, старой ели, бил лесной ключ, но купаться и ловить рыбу было удобнее на излучине, до которой было не больше часа ходу. И ещё они оба любили приходить к ручью после заката, когда буки-великаны устало опускали свои ветви и замирали стражами вдоль его берегов. В подступающих сумерках пел Орфей, и нежный голос Аполлоновой лиры ложился прихотливым узором на неумолчный шелест текучих вод.

Музыка и песни Орфея были чудом, а чудеса требуют восхищенных глаз. Орфей был – голос, а Эвридика – слушатель: идеальный, такой же, как голос. Голос пел, зачаровывая, а слушатель проникался чарами, чувствуя и сочувствуя, и его восторг, словно волнами, омывал душу певца, возвращая ему мысли, навеянные им же самим. Восхищение и любовь Эвридики меняли их ролями, слушатель довершал творение певца, а певец – заново открывал его для себя и мира.

Темными вечерами, когда Орфей пел о полночных травах и снах, тяжелым покрывалом опускающихся на притихшую землю, о туманах в речной долине, или серебристых искрах звезд, отражающихся в глубоких зеркалах озер, или о прозрачной волне, медленно, нехотя, сползающей с песчаной отмели в море и вновь жадным прыжком взбегающей вверх – Эвридика садилась напротив него, обнимала колени руками, и замирала. В такие минуты, сжавшись в комочек, она была похожа на чье-то маленькое, чуткое сердечко – любящее и беззащитное. Что стало бы с Орфеем, не будь Эвридики? Они были созданы друг для друга. Но сочувствие всеобъемлюще по природе своей, и, хотя друзья и почитатели певца, так же, как и он сам, предпочитали солнце и звонкую радость дня, светлая душа нежной нимфы равно любила День и Тьму, и именно она первая назвала Смерть – Темной Принцессой.

– Ты любишь петь о солнечном свете, мой Орфей. О золоте и знаменах, о любви и радости, о великой дружбе и подвигах. Ты поешь о величии Ночи, о её голосах и лунном свете, серебром струящемся в водах ручьев и рек. Но в мире существуют еще тьма и тишина. Почему ты не поешь о них?

Орфей отложил лиру в сторону и притянул к себе жену. Она прижалась покрепче, обвив его руками.

– Милая моя Эвридика! Темнота и тишина – удел тех, кто ушел из мира. Ты хочешь, чтобы я пел о Тьме? Об утрате и печали? Разве это не то же, что петь о Смерти?

– Почему ты не поешь о Смерти, Орфей?

– Зачем? Она жестока, холодна и бессмысленна. Она приходит внезапно, и вырывает человека из любящих рук, порой ей предшествуют боль и отчаяние, она равнодушна к юности и красоте. Смерть уводит с собой не только стариков и воинов, когда настает их час; дети, только вчера явившиеся на свет и их юные матери, еще ни разу не слышавшие голоса своего ребенка – к ним она столь же неумолима. Смерть – зло, почему я должен петь о ней? Разве не прекраснее во сто крат золотой луч солнца на горячей зелени листвы, или запах ржаного хлеба, или белизна женской груди, или ум и отвага великих мужей?

– Ты прав, муж мой. И всё же – ты ошибаешься.

Нежная Эвридика, прекрасная нимфа, что знала ты о тьме и тишине? Твоя жизнь в лучах любви Орфея, сына прекрасной Каллиопы и речного бога Эагра, была так светла и безмятежна, почему ты отвергла ее? Что заставило тебя просить Смерть о встрече?

Я бы посмеялся, Эвридика, но это имя… Имя, которое ты носишь… Оно такое странное, словно не для тебя выдуманное… или словно, что-то есть в тебе такое, чего не знаем ни я, ни ты сама… что-то чего никто не знает, кроме разве что Судьбы, судьбы и смерти – они знают всё. Или нет?

– Что ты знаешь о Смерти, Эвридика? Ты – любимая жена моя, ты – жизнь и душа, ты – ясное утро, улыбка, смех и песня – что влечет тебя к тому, что есть тлен и зло?

– Не знаю, любимый… Может быть – справедливость. Или – жалость.

– Справедливость к Смерти? Не понимаю тебя…

– Она пленница, Орфей, неужели ты не видишь этого? Ты, которому дан талант зачаровывать музыкой своей и людей, и зверей, и даже деревья и травы? Волны морские, и те покоряются твоей песне! Ты так чуток – и так глух к истине, которая очевидна?

– И в чем же эта истина, дитя?

– У Смерти нет выбора, Орфей. У неё нет своей воли. Срок жизни всего сущего – в руках неумолимых Парок, и Смерть – только вестник. Она приходит, когда должно, к тем, к кому должно, и даже то, как она выглядит в эти минуты – и это определяется не ею самой. И её встречает страх. Ненависть. Отчаяние. И лишь иногда – облегчение. И очень-очень редко она приходит к тем, для кого встреча с ней – радость. И тогда, думаю, радуется и она. А самые черные дни для неё – когда она приходит к детям, только родившимся на свет. Их неведение ложится на её плечи как свинцовый груз. Столько мыслей, чувств, сожалений видит Смерть, столько проклятий и жалоб слышит в свой адрес – а ведь она просто делает свою работу.

– Смерть несвободна, ты это хочешь сказать, любовь моя? И все её поступки – предопределены? У неё нет своих желаний, мыслей или чувств, а если и есть – они не имеют значения и не принимаются во внимание?

– Да, любимый. Она – узница долга. И мне так жаль её!

Далеко, очень далеко от речного берега с его туманами и шепотом волн, на другом конце мира, во тьме и тишине подземных чертогов, среди полированных, круглых колонн, отражающих блики факельного света, и тяжелых, шитых золотом занавесей на окнах, среди брошенных под ноги знамен и ковров, что смягчают холод черно-белых мраморных залов – хрупкая девушка, закутанная в темные одежды, вслушивается в этот диалог.

На бледном лице – огромные, темные глаза, непроницаемые, строгие, холодные. Горький излом длинных бровей, извилистый неулыбчивый рот, тонкие руки с длинными, неожиданно сильными пальцами. Высокая, чуть сутулая, в темном платье, тяжелом, прямом, с едва поблескивающим шитьем по подолу и рукавам, повторяющим орнамент на занавесях и знаменах.

– Как много ты знаешь обо мне, юная нимфа. Разве мы встречались? Мне нравится твое имя, ещё и потому что его пока нет в списках. Это к лучшему. Я не хочу нашей встречи, тогда я не смогу слышать тебя. Здесь от тебя останется только тень – безмолвная и безмятежная.

Трепет пламени одинокой свечи.

Шаги. Тяжелые, уверенные.

– О чем ты задумалась, дитя?

Девушка вздрагивает. Далекий шепот стихает, она слышит только потрескивание факелов. Вошедший молча ждет её ответа.

– Я думаю о несправедливости, отец.

– Справедливость не присуща бытию. И не является атрибутом жизни.

– А долг?

– Долг – да.

– Но почему богам и людям можно поступать так как им хочется? Почему нам это заказано?

– Я не могу ответить тебе, дитя. Во всяком случае, не сейчас. Любое знание нужно заслужить.

– Отец, мне так хочется иногда поступить – по своей воле. Сделать то, что хочу я, и только я. Мне хочется – изменить, хоть что-нибудь, хотя бы один разочек! Прийти в другом облике. В другое время. Не прийти совсем.

Пауза. Девушка сжимает руки в кулачки:

– Оставить жизнь тому, кто в списке.

Тишина. Все застыло. Стихли треск и шипение факелов.

Лицо Главного Судии помрачнело, взгляд стал ледяным.

– Замолчи, дитя!

– Отец!

– Я сказал, замолчи!

– Разве я сказала что-то плохое, отец?

Темная рука коснулась её плеча. Голос по-прежнему был суров, но теперь в нем проскальзывали нотки сочувствия.

– И вновь я не могу ответить тебе, дитя.

Покачав головой, он направился к выходу.

– И это – запрещено? Почему?! Почему столько запретов?! О чем бы я ни спросила, ты всё время говоришь: нет, не время, не сейчас, потом, сама… я устала, отец!!!

Она почти кричала. Зала вдруг вся пришла в движение, мелко задрожали колонны, факелы вспыхнули ярче, багровые сполохи заметались по стенам. Гнев, охвативший девушку, стал ветром, вздыбившим тяжелые складки занавесей, даже огромные, резные кресла протестующе заскрипели под его напором.

Главный Судия поднял руку и все стихло.

– Ты своевольна и упряма, дитя. Ты восстаешь против долга, даже не понимая, что он такое. Ты требуешь у меня ответа, но знание, полученное даром – немногого стоит.

Двери зала распахнулись, пропуская его.

– Значит, я никогда ничего не пойму!

Ее раздраженный возглас заставил его обернуться.

– Я дам тебе две подсказки, дитя. Первая – долг есть единственная цель и смысл нашего существования. И вторая – ответ на вопрос скрыт в самом вопросе, и в том, кто его задает. Спокойной ночи, дитя!

Царство Мертвых было царством Покоя, здесь всегда царили ночь, тишина и безмятежность. Так что подобные пожелания были бы абсурдны, если бы не были данью моде. Здесь, внизу, считалось «хорошим тоном» цитировать мир живых, использовать в разговорах приветствия и прощания, пожелания и проклятия, принятые там, наверху. Так, желая сделать приятное гостю из другой страны, хозяева радушно и наперебой расспрашивают о его родине и обычаях, хотя, в действительности, их это мало занимает.

И вновь шепот двоих, у ручья, под звездами. Ничто не тревожит ночной покой, и вновь таинственным образом слышит их диалог хрупкая девушка в темных одеждах, на другом конце мира:

– Разве можно жалеть то, о чем не ведаешь, Эвридика? Ты полна радости и любви, вокруг тебя цветы и травы, все дышит, все живет! Ты не знаешь, что такое Смерть – как же ты можешь жалеть ее?

– Я вижу ее, Орфей! Она прекрасна.

– Смерть уродлива, любовь моя!

– Нет. Ты ошибаешься. У неё много обличий, она приходит к каждому в том, которое созвучно именно ему, ему одному. К тем, кто лгал и убивал – в облике ужасном и отвратительном, к тем, кто болен и ищет покоя – в одеждах целительницы, держа в руках благоуханные травы; к тем, кто любит и верит – ослепительным белым светом, не оставляющим места тем-

ным сомнениям и страхам. Но самый прекрасный облик принимает она, когда нужно забрать невинную детскую душу.

– Значит, смерть человека – отражение души его?

– Да, милый муж мой! Но оставим это, спой мне и возрадуемся, что живы и можем любить друг друга. Друзья придут к нам утром, и мы будем петь и танцевать в солнечных лучах! Пой, любимый, пой – о нас с тобой и о нашей любви!…

ПОДНОЖКИ

Главный Судия молча смотрел на темноволосую голову, склоненную над длинным списком имен. Упрямая, своевольная, гордая и еще – такая юная и неосмотрительная. Думать так, как она – опасно. Оставить жизнь тому, кто в списках. Изменить то, что предначертано – всё равно что нарушить закон. Свободный выбор – вот что нарушает равновесие. Боги и люди могут позволить себе это. Люди – потому что слабы, и их деяния, как бы ни превозносили они их, мало что меняют в картине мироздания. А у богов – свои правила игры. И не так уж часто поступают они, как им вздумается, а если всё же решаются на этот шаг, то всегда несут ответственность за содеянное. И наказание – неумолимо, неотменимо, и не заставляет себя ждать. Для бессмертных это участь порой горшая, чем смерть.

Девушка берет со стола следующий свиток. Сидящий рядом мужчина медленно проводит рукой сквозь пламя свечи. Огонь не обжигает его, а тянется вслед пальцам, точно не желая их отпускать, мужчина задумчиво гладит его, как маленького ручного зверька. Мысли текут безостановочно, следуя, как и огонь, плавному движению рук.

Вся суть мироздания – в вечном противостоянии Хаоса и Порядка. Добро так же способно нарушить баланс, как и Зло. Смерть, пощадившая тех, чьи имена попали в список, вынуждена будет потом прийти к тем, чье время ещё не истекло. И кто знает, как отзовется в бесчисленных веках и поколениях одно-единственное «я так хочу»? Всё взаимосвязано, паутина мироздания раскинулась в бесконечности, и мы в центре её, вечные слуги Великого Равновесия. Мы – самые могущественные, и самые бессильные. Мы не имеем права отступать ни на шаг от предписанного нам. Долг – единственное, что нам дозволено. И не могу я ничего объяснить ей, не имею права. Свобода воли – самое прекрасное из того, что есть в этом мире, и самое дорогостоящее. Для таких, как мы – её не существует. Только Долг. И его нужно выполнять неукоснительно и безукоризненно. Это – цена нашей власти и бессмертия. Истинные Знание и Сила стоят дорого, а Вечность – ещё дороже. И за все надо платить. Собой. А как ещё иначе?

И пока Главный Судия размышляет в беспокойстве, дочь смотрит в списки и не различает слов. Она снова вслушивается в далекие голоса.

– Расскажи мне о Смерти, Эвридика. Расскажи, и я спою о ней!

– Она прекрасна, эта Темная принцесса Смерть… Руки её как белые лилии, волосы как грозовая туча, она высока, стройна, её глаза как темные зеркала, в них вспыхивает звездный свет, от неё веет покоем и тихой радостью.

– Ты слагаешь песни не хуже меня, милая моя женушка. Но отчего ты так зовешь её? Кто сказал тебе её имя?

– Никто, я сама его придумала.

Жаркое лето шло на убыль. Вечерами становилось прохладно, и Орфей всё чаще уходил бродить по полям и рощам один. Эвридика не возражала и не сетовала на одиночество, природа увядала, готовясь к зиме, и она слабела – вместе с ней. Так было всегда, зима была временем сна и отдыха – её нельзя было отменить, только пережить – до следующей весны.

Облик прекрасной, бледной принцессы заполнял теперь все мысли певца. Когда спускалась на землю ночь, он шел на берег ручья и там, в тишине и лунном свете, рождались нежные, печальные мелодии. И чем ближе подступало время ветров и дождей, тем прекраснее становились его гимны, воспевавшие принцессу Смерть. Природа угасала, а они набирали силу. И чем величественнее звучал новый гимн, тем жарче были объятия Орфея и Эвридики, когда он возвращался домой. Одиночество и печаль сменялись стремительно пролетавшими часами, полными страсти и неги. Холодное дыхание вечности растворялось в блаженстве и неистовстве желаний. Из смерти в жизнь. Изо льда в пламя. Жар объятий нежной, трепетной подруги

заставлял Орфея всё сильнее жалеть темную принцессу, одинокую узницу Долга, не ведающую любви и ласки. И тем прекраснее были его песни о ней.

Иногда он не понимал, в кого влюблен больше – в свою жену или в придуманный ею образ, завладевший его мыслями. И хотя страх порой сжимал его сердце, он успокаивал себя тем, что образ этот – всего лишь выдумка Эвридики, и поклоняясь ему, он в действительности, лишь отдает дань прекрасной и доброй своей подруге, ее нежной, любящей душе, ее щедрому сердцу.

Ветреным, дождливым вечером, в сгустившихся сумерках, когда Орфей сидел на ступеньках, подкручивая колки лиры, невдалеке показалась женщина. Она шла медленно, словно в раздумье, останавливалась, оглядываясь вокруг – как если бы была не уверена, что идет в правильном направлении. Темно-синий плащ скрывал фигуру, край его, наброшенный на голову, не позволял разглядеть ее лицо, только золотистые волосы выбивались из-под плотной ткани, ветер подхватывал пряди, а она нетерпеливо перехватывала их и прятала обратно.

Певец заметил её, когда она была уже совсем близко. И вскочил на ноги, внезапно поняв, кто перед ним.

– Мама?!

– Здравствуй, сын. Рада встрече с тобой. Как здоровье жены твоей, Эвридики?

– Она спит, мама. Я разбужу её…

Он бросился к двери, но Каллиопа остановила его.

– Нет. Я пришла не к ней – к тебе.

– Ты не хочешь увидеть ее?

– Не сейчас, Орфей. Может быть, позже.

Она опустилась на ступеньку, и похлопала рукой около себя, приглашая его сесть рядом. Он повиновался.

– Что-то случилось, мама? Ты – редкий гость.

– Расскажи мне о твоем новом увлечении, сын.

– Я не понимаю тебя.

– Тогда расскажи мне о своих новых песнях, Орфей. О гимнах, воспевающих Смерть. Разве это тема достойная тебя?

– Смерть – часть нашей жизни, мама. Тебе ли не знать об этом? И что плохого в моих гимнах? Разве они не так же мелодичны и прекрасны, как и всё остальное?

– Зачем ты зовешь её, Орфей? Зачем ты просишь Смерть о встрече?

– Я не зову её, мама. Я просто пою о ней. О Темной принцессе, узнице Долга, прекрасной девушке, которая не властна распоряжаться собой, которая освобождает других и не свободна сама. И это ведь просто поэзия, мама. Фантазия, полет воображения – не более того. Вряд ли она слышит меня.

– А что, если слышит, Орфей?

Певец рассмеялся.

– Надеюсь, ей нравятся мои песни! Но вряд ли я когда-нибудь узнаю об этом. Не волнуйся, мама, пойдем в дом, я разбужу Эвридику, она будет рада встрече с тобой.

Каллиопа покачала головой.

– Мне нужно идти, сын.

– Ты пришла так нежданно и говоришь загадками. Может быть, ты побудешь подольше и расскажешь, что так обеспокоило тебя. Неужели ты пустилась в путь только из-за этих моих песен?

– Они опасны, сын мой. Как и то, что вызвало их к жизни.

– Я не понимаю тебя.

– Мне жаль это слышать, Орфей. Прощай. Надеюсь, ты всё же задумаешься над тем, что я сказала.

Темная фигура плавным движением поднялась, миг – и она растворилась в подступившей темноте.

Орфей в раздражении отшвырнул лиру.

– Задуматься? Над чем? Ох уж эта божественная недосказанность! Всегда тайны, недомолвки, намеки! Ты умный мальчик, вырастешь – поймешь сам. Вечная история! Ты совсем не изменилась, мама!!!

Отойдя подальше, там, где её никто не мог увидеть, Каллиопа присела на берегу реки, опустила ладошку в воду, поболтала ею. Легкая рябь волн застыла и разошлась, разбежалась в стороны, образовав нечто вроде гладкого зеркала. Холодный лунный свет высеребрил его, и в середине появилось лицо Эагра, речного бога.

– Я видела нашего сына, Эагр. Он не захотел услышать меня.

– Тебе нужно было выразиться яснее.

– Ты же знаешь, что я не могла.

– О да, муза песнопений, да, муза поэтических преувеличений, науки и философии, ты – не могла. Ты просто задала ему загадку – вполне в твоем духе. А он должен будет разгадать ее, порассуждать, вникнуть. Только вот будет ли он это делать? Он ведь просто певец, пусть и величайший из живущих.

– Я не согласна с тобой, Эагр. Называя имя, ты призываешь того, кто его носит. Звать и взывать – одно и то же. Надо ли продолжать? Мне кажется, всё – просто.

– Тебе кажется, Каллиопа.

Орфей так и не рассказал Эвридике о полночной гостье. Возможно, это было ошибкой, вместе они могли бы попробовать допытаться до темной сути предупреждения. Но он был настолько раздосадован, что даже мысль об этом причиняла ему боль, почти физическую. И чем больше он желал забыть о случившемся, тем сильнее помнил. Никто до сих пор не пытался ограничить его, указывая, о чем можно и о чем нельзя петь. То, что это все-таки случилось – уязвляло его несказанно, а то, что этим «кем-то» оказалась его мать – ранило вдвойне. И в конечном счете, раздражение и протест только добавили смелости и безоглядности его «запретным» гимнам. Вопрос Каллиопы: «А что, если она слышит тебя?» – жег, словно огнем. Это звучало вызовом – и он принял его.

– Девушка, ты слышишь меня?

– Я слышу тебя, Голос… Кто ты?

– Я – это ты, принцесса.

– Ты говоришь загадками. Дай мне увидеть тебя!

– Это невозможно, принцесса. Лучше скажи, нравятся ли тебе песни Орфея? Он поет о тебе так, словно видел тебя, говорил с тобой. Думаешь ли ты о нем так же неустанно, как он о тебе?

– Голос, ты лезешь не в свое дело!

– Ты сердишься, принцесса? Значит, твой ответ – да?

– Какая тебе разница, Голос?

– Он любит тебя, Темная принцесса, любит, хотя и не понимает этого. Любишь ли ты его?

Длинные темные брови сошлись на переносице, темные глаза полыхнули злым огнем, в зале тонко завыл ветер – принцесса, раздраженно взмахнув рукой, сбросила на пол свитки, которые только что читала.

– Идиотский вопрос!

– Это не ответ, принцесса Смерть. Так любишь или нет?

Темная принцесса вскочила в ярости и, вдруг, внезапно успокоившись, с размаху шлепнулась обратно в кресло. Скрестила руки на груди.

– Ну что ж, давай сыграем в эту игру. Я Смерть – я не могу любить. Это – раз. Я здесь – он там. Это – два. Я искала его имя в списках. Его там нет. А даже если есть – значит, оно

так далеко, что мы ещё нескоро встретимся. А даже если встретимся – он придет сюда, как приходят другие. И здесь он будет только тенью – как они все. О какой любви можно говорить в этом случае? Это – три.

Она опустила голову, взглянула на свои длинные пальцы, крепко вцепившиеся в столешницу. Бледные, слегка подрагивающие… и маленькая слезинка скатилась по впалой щеке.

– И – да, ты прав, Голос. Я всё время думаю о нем. Когда он поет – мне становится теплее. Когда я слышу его голос, называющий меня – что-то дрожит во мне, как туго натянутая струна, и мне кажется, что ещё немного, и она лопнет, и случится что-то страшное и прекрасное одновременно. Что-то неизвестное, чему нет названия. Если это значит – любить, тогда я люблю его.

– То, о чем ты говоришь, принцесса, называется «чудо». Нечто внезапное, не предопределенное. То, что нарушает установленный порядок, и меняет ход вещей. То, чего так сильно хочешь ты, и чего так боится твой отец.

– Чудесам не место здесь, Голос!

– Но одно из них уже здесь, принцесса – твоя любовь к Орфею. Разве это не чудо?

– Оно обречено, Голос…

Пауза. Тишина.

– Нет, принцесса. Он зовет тебя. Ты вправе ответить на призыв.

– Что я должна сделать?

– Ты должна призвать его. Сюда, к себе.

– Я никогда не сделаю этого, Голос.

ВСТРЕЧА

Как легко сказать, и как трудно сделать. Особенно, когда всё время напоминают о том, что нужно забыть. Когда слышишь нежную мелодию, которая, точно сладкий яд, разливается по всему телу, и некуда укрыться от этого наваждения. «Ты не должна думать об этом, надо гнать мысли о нем, отрешиться от властного зова, предать забвению – всё, и песню, и певца, и коварные речи таинственного Голоса. Предать забвению – какая мысль! Я попробую».

Темная принцесса быстро шла по длинным коридорам. Окна, двери, залы – тянулись, казалось, в бесконечность. Палаты Смерти широко раскинулись на берегу священной реки, они росли с каждой вновь прибывшей душой, медленно и неотвратимо. Но в конце концов, она приблизилась к выходу. Их было всего два – один, обращенный к реке и другой, выходивший к горной гряде, за белоснежными пиками которой располагались еще одни чертоги – Палаты Забвения. Туда уходили Боги, для которых больше не было места в мире. Никто из вошедших туда не возвращался, ни одна весть оттуда не достигала слуха живущих. Только Главный Судия мог войти в Палаты, и покинуть их по собственной воле. Принцесса не боялась Палат Забвения – ведь Смерть и Беспамятство сродни друг другу, но ей никогда даже в голову не приходило полюбопытствовать, что они такое. А сейчас ей вдруг подумалось, что чертоги эти – самое подходящее место, чтобы оставить свои мысли об Орфее, во всяком случае, стоило попытаться, другого способа противостоять искушению, она найти не смогла.

Блистающие горы, зеленые луга, простиравшиеся за ними – принцесса даже не заметила, как они остались позади. Стены Палат угрожающе нависли над головой, надвинулись, безмолвные; глубокие тени залегли в проемах. Принцесса прошла под аркой ворот и оказалась во внутреннем дворе. Ничего. Никого. Даже теней нет. Все залито белым, пустым светом. Никого. Ничего.

Снова арка, колоннада, новый двор, галереи, переходы – и снова никого. Лестницы, по которым никто не ходит, фонтаны, где нет воды, площадки со скамейками и разбросанными подушками, просторные и пустые – и мертвая тишина. Ни шороха, ни шелеста, даже ветра нет. Нет даже эха. Все, что есть в мире, здесь – забыто.

«Какое страшное место, – подумала принцесса. – надо возвращаться. Ничего у меня не выйдет. Может, мне поговорить с отцом? Но он только рассердится и все равно не даст никакого совета. Опять скажет – нельзя, не сейчас, сама… Чья проблема? Твоя? Вот ты и думай!»

Она присела у бассейна. Воды в нем, конечно же, не было – белая пыль заполняла его до краев. Задумавшись, принцесса водила пальцем по ее поверхности, причудливые узоры возникали – и исчезали под взмахом узкой ладони.

«У всех нормальных людей отцы как отцы – направляют, учат, объясняют. А еще у всех нормальных людей есть матери, которые заботятся, выслушивают, поддерживают в трудную минуту, да просто – любят, в конце-то концов. Почему же у меня, все не как у людей?»

Она фыркнула, внезапно осознав полную абсурдность вопроса, смахнула рукой очередную, только что нарисованную загогулину, и вдруг – замерла. Вскочила, огляделась кругом, машинально отряхивая плащ от налипшей пыли.

«Матери? А у меня? У меня – только отец? У меня что – никогда её не было? Но ведь так не бывает! Может быть, я – не помню её? Но почему?»

Принцессу внезапно охватила паника. Что-то рвалось наружу в её сознании, какая-то мысль, какая-то догадка прокладывали себе путь, неудержимо и настойчиво.

«Потому что она – здесь».

– Мама! – отчаянный крик разорвал мертвую тишину, и в глубине двора, тонкая белая фигура словно выдвинулась, выступила из стены, и вот она уже рядом, совсем близко, только руку протяни.

– Мама?! – Страх, недоверие, надежда огненным кольцом сжали горло. – Мама, это же ты?! Ты?!

Черные глаза, глубокие, огромные – впились жадно в лицо Темной принцессы, словно ощупывая каждую черточку, ресничку, волосок…

– Я не помню тебя. Кто ты?

– Я – Смерть, Темная принцесса Смерть.

– Да, я вижу. Об этом говорит орнамент на твоих одеждах, но это не твое имя.

– У меня нет другого. А как зовут тебя?

– Я не помню. Забыла. Может быть, он помнит?

– Он? Кто – он? И кто – ты? Да отвечай же!!!

Принцесса сорвалась на крик, руки вцепились в белое покрывало, окутавшее неизвестную. Та не сопротивлялась. Покрывало слетело, открыв невероятной красоты волосы – темные, прямые, водопадом стремящиеся по плечам и груди, вниз до самой земли. Они стояли напротив друг друга: две женских фигуры, одна в белом, вторая в темном, и обеих укрывал одинаковый водопад темных волос. Любой, кто взглянул бы со стороны, понял бы сразу – мать и дочь. Вот только не было рядом никого. И зеркала не было. Не было воды в бассейнах, не было даже маленькой лужицы.

Белая фигура опустилась на низкую, широкую скамью, стоявшую невдалеке от бассейна.

– Присядем. Расскажи мне, что привело тебя сюда, может быть, я сумею помочь тебе?

Рассказ получился сумбурным, торопливым.

– И ты пришла, чтобы забыть о певце? О его песнях и об искушении? Твоя история напомнила мне то, что случилось со мной. Я не помню имен, названий, я не знаю, когда и где я жила, но я была простой девушкой, в которую влюбился тот, кто выше богов. Так он говорил.

– Кто он?

– Не помню. Он назвал себя служителем великого Равновесия. Не знаю, что он нашел во мне, мы были вместе недолго. Потом он ушел, а у меня родилась дочь. Роды были тяжелыми и Смерть забрала меня раньше, чем я смогла увидеть лицо малютки. Не знаю, что стало с ней. Больше я не помню ничего. Ты назвала меня мамой – почему?

Принцессу била дрожь.

– Мой отец – служитель великого Равновесия. Я его дочь. У меня должна была быть мать. Но я никогда не знала её. Я не знала о ней. Отец никогда не упоминал её. А я никогда не спрашивала. Пока я не пришла сюда, в Палаты Забвения, я даже не задумывалась об этом. У меня не возникало никаких вопросов. Почему? Может быть, потому что ты – здесь. И ты появилась, когда я позвала тебя. Когда я крикнула «мама». Понимаешь?

– Понимаю, девочка моя. Но если так, значит, он не помнит обо мне. Иначе у него, как у тебя, обязательно возникла бы потребность прийти сюда, в единственное место, где есть шанс встретить меня. Жаль. Я любила его. Больше жизни. И когда он ушел, сил моих хватило только на то, чтобы родить ребенка. Я не помню ничего, кроме того, что связано с ним и его лица.

Принцесса вскрикнула и опрометью бросилась к бассейну. Задыхаясь, начала лихорадочно чертить линии на белой, плотной пыли. Длинные волосы, окаймленный бородкой властный рот, высокий лоб, морщинки в углах усталых, но зорких глаз. Плечи, руки, плащ и орнамент по краям… Белая фигура, тихо приблизившись, смотрела, как становится все более точным рисунок, как он обрастает подробными деталями, приобретает глубину и словно оживает. Принцесса смахнула с лица пыль, вновь подняла руку – продолжить начатую только что линию, и остановилась. Какая-то странная, особая тишина сгустилась за её плечом. Она обернулась. Слезы текли из огромных, черных глаз той, что могла быть её матерью. Не было сомнений – тот, кого принцесса изобразила на песке и тот, кого когда-то давно, невообразимо давно любила эта женщина – оба они суть один. Ее отец. И было ещё кое-что.

– Ты – моя мать. И ты все ещё любишь его!! И никакое забвение не властно над этой любовью. Мама, что мне делать?!

– Принять свой жребий, девочка моя.

– У меня нет выбора?

– У тебя есть право на него. Как и у всех.

– Ты говоришь – нужно принять жребий, но при этом утверждаешь, что у меня есть право выбора. Ты открываешь мне больше, чем отец, но твои речи столь же темны для меня.

– Эту загадку тебе придется разгадать самой.

Это было уже слишком. Принцесса в ярости топнула ногой, открыла рот – и оказалась по другую сторону горной гряды.

– Как вы похожи – пробормотала она себе под нос, едва только поняла, что произошло. – как же вы похожи, дорогие мои родители – как горошины из одного стручка…

– Что ты сказала?

Воздух сгустился, стало трудно дышать. Она боялась не то что обернуться, даже просто пошевелиться.

– Дитя мое, повтори, что ты сейчас сказала.

Она обернулась наконец. Их взгляды встретились. Острые ногти принцессы Смерть вонзились в ладони, она глубоко вдохнула, пытаясь справиться с приступом страха.

Отец молча ждал её ответа.

– Я сказала: как вы похожи, дорогие мои родители. Вот и всё.

– У тебя есть только я.

– Нет!

Это сорвалось с губ раньше, чем она успела подумать.

– Нет? – брови Главного Судии сошлись в одну грозную линию, в глазах вспыхнул яростный огонь. Он словно выплевывал слова. – Нет?! Ты сказала «нет»?

– У любого человека есть еще мать.

– Ты не человек!

– Наполовину.

– Что?! – сильные руки вцепились в ее плечи, теперь он тряс её, принцесса слабо вскинула руки, пытаясь защитить себя от его гнева. Бесполезно. Вырваться она даже не пыталась, был только один способ прекратить это – сказать правду.

– Я видела её!! Я видела свою мать! Она в Палатах Забвения!!

Лицо отца стало пепельно-серым. На мгновение перед принцессой оказался жалкий старик, с лицом, изрезанным морщинами, потухшим взглядом, согнувшийся под тяжестью парадных черно-золотых одежд.

Она отвернулась, не в силах вынести это зрелище, и уже более спокойным тоном добавила:

– Почему ты мне ничего не говорил?

Тишина. Принцесса обернулась – площадь перед входом в Палаты была пуста. Он исчез, ушел, не ответив ей.

Больше всего принцесса любила «пустые» дни. Когда у нее не было работы. Дни, в которые, так уж иногда случалось, никто не умирал. Или именно ей не надо было ни к кому идти. Она была не единственной вестницей Смерти, хотя Темной принцессой Смерть называли только её. Людей в мире было много, слишком много, чтобы она одна могла управиться со своими обязанностями – ведь каждого нужно было навестить лично. А еще были войны, когда люди гибли сотнями, тысячами – и тогда Смерти приходилось заступать на «боевое дежурство». Она являлась к началу битвы и оставалась до конца её, отправляя к бесчисленным, в одно и то же время умирающим людям свои отражения. Отражения эти создавались с помощью особого кристалла, который с незапамятных времен, хранил у себя Главный Судия. Гово-

рили разное, но достоверно известно одно – никто никогда не видел кристалл, кроме хранителя и тех, кому он вручал его. После того как дело было завершено, кристалл просто исчезал из рук Смерти. Ещё для таких случаев было особое обличье – одно на всех. Безликое, бесформенное, полностью скрывающее того, кто носил его – не разобрать ни лица, ни фигуры – угольно-серый хитон, такого же цвета широченный, до земли плащ с глубоким, скрывающим лицо капюшоном, в руках – коса с очень длинной ручкой. Коса, как орудие, годилась и для убийств и для мирной жизни – и была символом равной участи живущих перед лицом Вечности, а длинная ручка служила Смерти посохом, для опоры – попробуйте-ка простоять неподвижно столько времени, ведь иногда битвы длились, с небольшими перерывами и затишьями, по два-три дня.

В те дни, когда принцесса не находила вечером, на маленьком столике у дверей, свитка с именами «на завтра», она бывала абсолютно счастлива.

РЕШЕНИЕ

После встречи с отцом Темная принцесса вернулась в свои покои – было бесполезно искать его. Но он был здесь, и ждал, сидя в её любимом кресле – глубоком, массивном, с высокой резной спинкой и широкими подлокотниками, обтянутыми плотной, шелковистой на ощупь, материей.

– Я должен поблагодарить тебя, дитя. Если бы не твоя смелость и своеволие – я бы никогда не вспомнил её.

– Она по-прежнему любит тебя, папа.

Он долго молчал. Очень долго.

– Я тоже люблю её, дитя мое. До сих пор. И тебя. Больше, чем следовало бы. И больше, чем мне было позволено.

– Что ты хочешь сказать?

– Смерть должна была вернуться за тобой на следующий день. Я не мог спасти твою мать. Но я мог попытаться спасти тебя.

– И тебе это удалось! – потрясенно прошептала дочь, опускаясь на колени. Схватила его руки и прижалась к ним мокрым от слез лицом.

Главный Судия молча смотрел на одинокое пламя свечи, в глиняной чаше, в центре стола. Факелы на стенах шипели и плевались багровым пламенем, тени залегли глубже, резче, где-то выл ветер, досадливо и нетерпеливо. Чтобы ни происходило там, наверху – здесь ничего не менялось. Как повлияет на будущее вот этот, случившийся только что диалог, неизвестно – но девочка заслужила это знание. На этот раз, действительно заслужила.

Войти по собственной воле в Палаты Забвения, раскрыть их тайну, вспомнить – то, о чем даже и не знала, вернуть память той, кого оставили там именно для того, чтобы о ней забыли, все – в том числе и она сама, пробудить в Забытой и в Забывшем чувства, которым не может быть места в мире Долга и Покоя – это граничило с чудом. С тем, чего здесь не должно существовать. И хотя гордость за дочь переполняла его, липкий страх сжимал сердце. Он ведь не всё сказал ей. Было ещё кое-что. Цена ее спасения. Цена его своеволия. И ещё – цена ее сегодняшнего подвига. Но об этом – в следующий раз. Может быть, она догадается. Завтра – «пустой» день. У нее будет время подумать.

Ночь, а точнее, то время, которое считалось здесь ночью, прошла беспокойно. Принцесса часто просыпалась, было душно и как-то тревожно. В конце концов, ей всё же удалось заснуть – но ненадолго. Тихое звяканье колокольчика подкинуло её с ложа – на столике у дверей лежал маленький свиток. Это было её задание – на сегодня, «пустой» день отменялся. Принцесса Смерть развернула его – там стояло всего одно имя. Очень странно. Её ежедневные «задания» насчитывали, как правило, по нескольку десятков имен, невзирая на всю особость, и все прерогативы её положения. А здесь только одно. И это ребенок. Только родившийся. Настроение, и без того не самое радужное, испортилось окончательно. Но что поделаешь, долг есть долг – надо идти.

Белые одежды. Легкие как пух, струящиеся как воды ручья, искрами серебристыми переливающиеся – как звездная пыль в ночи. Венок из лилий и роз – томных, белых, благоуханных. Черный плащ волос, окутавший стан Принцессы, замерцал и стал золотым, глаза приобрели небесно-голубой оттенок, а на бледных щеках заиграл легкий румянец. Надо идти. Время не ждет – никого, никогда. Ну что за невезение! А она так надеялась, что сегодня сможет остаться дома. Подумать и помечтать – о певце, о встрече с ним, о любви. Запретной, заказанной ей раз и навсегда, несбыточной и потому – такой сладостной и манящей. Что ж, значит, в другой раз. Надо идти.

Луг, раскинувшийся в предгорье, обширный, пронзительно-зеленый, весь в ярких цветах, заполненный жаром солнца и мерным гудением пчел; ближе к плотной стене деревьев на краю луга – маленький домик с прохудившейся, островерхой крышей. На кольях изгороди – опрокинутые глиняные горшки, на низенькой деревянной скамье возле изгороди сидит молодая женщина, баюкающая младенца. Он спит. Ещё немного – и заснет навеки. Вот сейчас, ещё мгновение, и она, Темная принцесса Смерть, протянет руку над темноволосой головкой ребенка, и для него наступит вечный покой. Как несправедливо! Его мир погаснет, не успев расцвести. Когда-то её ждала такая же судьба, но её отец нарушил закон. Любовь к её матери, любовь к ней, только появившейся на свет – оказались сильнее Долга. Что ж, он смог, сможет и она. И, не успев даже осознать то, о чем только что подумала, принцесса отдернула свою, уже протянутую властным жестом, руку.

Давящая тишина окутала все вокруг. Замер легкий ветерок, облака в вышине остановились, глубокая черная тень на миг залила луг. И заплакал ребенок – громко, отчаянно, юная мать прижала его к себе и в панике бросилась к дому, не оглядываясь по сторонам. Вбежав внутрь, она изо всех сил хлопнула дверью – словно в попытке пресечь путь неведомому злу. Темная принцесса Смерть, в сияющих белых одеждах, среди зеленого моря травы – осталась стоять неподвижно, глядя им вслед. Далекий гром прокатился по небу, тень исчезла, снова подул ветер. Он подхватил, взвихрил легкую ткань – и в следующее мгновение принцесса уже была в подземном зале. Освещенная багровым пламенем факелов, она бездумно смотрела в пространство перед собой. Она все-таки сделала это. Оставила жизнь тому, кто в списке. Оставила – жить.

«Мой Орфей, любовь к тебе толкнула меня на это безумие. Но я не жалею. Я мечтала об этом, долгими ночами, оставаясь одна, мечтала, чтобы однажды, когда я отвернусь от обреченного и скажу: „Ты свободен!“ – из его глаз исчезли ненависть и страх, и я увидела в них радость и благодарность. И еще – любовь. Любовь к той, что вернула ему жизнь. Не знаю почему, но мне так нужно это глупое чувство, не слушающее никаких разумных доводов, мне так нужна эта дурацкая, детская сказка о двоих, каждый из которых целый мир в глазах и душе другого. Наверно, я какой-то урод, не такая как все, здесь я одна такая, правда, одна – но я так хочу любить, любить тебя, дарить миру жизнь, а не отбирать ее, я люблю тебя, мой певец, все что у меня есть – это мечта о тебе. О тебе и твоей любви, что заполняет гимны в мою честь, она как теплая рука на моем плече, как прикосновение прохладной воды к потрескавшимся от зноя губам. Не лишай же меня её…»

Грохот распахивающихся дверей. Яростные глаза Главного Судии. Слова – как каменные глыбы, всей своей тяжестью обрушивающиеся ей на плечи.

– Ты все-таки сделала это! Как ты посмела?!!

– Отец!

– Молчи! Вернись обратно и забери другого. Другую душу. Вместо этого ребенка. Слышишь? Сегодня, сейчас же, немедленно! Вернись назад!!!

– Отец, я не могу!!

– Ты – должна! Это – твой Долг. Иди, сейчас же!!

Крик – из горла, слезы – из глаз, руки – протянутые к нему в отчаянной мольбе:

– Но я же не знаю, отец! Я не знаю, кого нужно забрать!!

Тишина. Факелы погасли. Голос – скрежещущий, словно рвущий её на части:

– Это ты должна решить сама.

Темная принцесса Смерть, хрупкая, темноволосая, в темно-золотых одеждах, сжавшаяся в комочек на холодном, каменном полу. Огонек свечи, испуганный, дрожащий – как она.

Такой же беспомощный и одинокий. За все надо платить. А как еще иначе?

– Забери Орфея, принцесса!

– Я… не могу…

– Можешь. Позови его.

– Позвать на смерть? Но я люблю его!!

– А он – тебя. Он звал тебя. Призывающий – принимает на себя последствия вызова. Ты имеешь право. Ты хочешь этого. Он славит тебя, он помнит тебя, он любит тебя. Вы будете вместе, вы ведь хотите этого – оба. И это твой единственный шанс исправить то, что сделано, Темная принцесса Смерть. Остальное не важно. Позови его.

– Да, Голос. Я…я позову его. Благодарю тебя.

– Не стоит благодарности, принцесса. Рад был помочь тебе. Ты мне нравишься.

Голос смолк. Вспыхнули факелы, высохли слезы, на столике у дверей снова лежал маленький свиток. И в нем снова, как и в утреннем списке, стояло только одно имя. Имя певца.

Ах, принцесса, принцесса! Что же ты наделала, зачем послушала Голос? И Голос ли? А может быть – себя? Помнишь, он сказал тебе: «Я – это ты, принцесса!» Ты ошиблась, Темная принцесса Смерть. Непрофессиональная работа. Чтобы нарушать закон, надо знать, чем вызван запрет. Тебе следовало забрать другую жизнь. Магия творения – это магия сотворения, или точнее со-творения; творец и слушатель суть одно, и именно эта магия связала когда-то Орфея и Эвридику, и она же связала Эвридику с тобой. Оставалось только провести ещё одну черточку. Ты сделала это, принцесса. И божественный Треугольник – равносторонний, равнозначный, равноправный, – замкнулся. Ты протянула руку над головой одного Орфея. А забрала – обоих.

Две одиноких тени бродят у Дворца Гадеса. Одна – мужская, безмолвная, с лирой, намертво зажатой в руках, голова опущена, шаг запинающийся. Она бродит вдоль берега реки Памяти, иногда спускаясь к воде, чтобы напиться. Она помнит всё земное, но не может ни о чем рассказать. Она всё помнит, но ничего не слышит и не говорит. Другая тень – женская, она часто приходит к реке Памяти и смотрит, как бродит вдоль берега та, что с лирой, не находя себе покоя. Иногда пришедшая пробует прервать этот беспокойный ход, заговорить – и всегда безуспешно. Тень женщины не пьет из реки Памяти, её удел – воды Леты, но забвение не для неё. Вода Леты не туманит ей разум, не гасит воспоминаний, а только успокаивает и не дает соскользнуть в безумие, потому что в отличие от прочих обитателей Аида – безмолвных и безгласных, эта тень может и слышать, и говорить. Когда она оставляет свои попытки привлечь внимание мужчины с лирой в руках, она подолгу спит в тени стен дворца, или у корней белого кипариса, растущего на берегу реки. К другим теням-обитателям Царства Мертвых ни мужчина, ни женщина не приближаются, и мгновенно исчезают из вида, когда чья-то тень подходит слишком близко. Здесь, внизу не принято навязываться, и их оставляют в покое. Иногда по аллее из черных тополей, ведущей от жилища Гекаты к дворцу Гадеса, сюда приходит девушка, высокая, темноволосая, в черных с золотом одеждах. Темная принцесса Смерть (конечно, это она) останавливается около последнего ряда деревьев, и не выходя из их тени, молча наблюдает за двумя своими подопечными – Орфеем и Эвридикой. В её взгляде – боль и обреченность..

«Милое дитя, свобода не ограничена ничем, кроме ответственности, а предопределенность, как ни крути, освобождает от неё. Если всё решили за тебя – значит, ты ни в чем не виновата».

– Глупости, Главный Судия! Как это – не виновата?

– Голос, ты снова здесь… и снова споришь, указываешь, противоречишь… но пусть так, и в чем же её вина?

– Все просто, старик! Если все решили за тебя – значит, ты виновата в том, что позволила все решить за себя.

– Ах, вот как? Все так просто? Да ты просто играешь словами, Голос!

– Не в этом случае, старик. А я думал, ты осмотрительней, ты ведь, кажется, считаешь себя конечной инстанцией. Предопределенность порой куда страшнее свободной воли и приносит куда больше зла, чем самое отъявленное своеволие – сам знаешь!

– Ты дерзишь, Голос! И вообще – все это вздор! Свободная воля – враг Долга, она вносит в предопределение элемент случайности! Это недопустимо!!

– Это почему, старик?

– Потому что это открывает дорогу дальнейшим нарушениям… и прекрати называть меня стариком!!

– Вот именно – открывает дорогу. Какой же ты молодец, старик!…

ПРИГОВОР

Темная Принцесса вышла из Зала Суда. Пройдя по огромному холлу, подошла к окну и раздраженно вперила неподвижный взгляд в тяжелые, шитые золотом занавеси. Она так глубоко ушла в раздумье, что не услышала легкого шелеста шагов. Рука легла ей на плечо, она дернулась, сбрасывая ее. Глубокий, звучный голос спросил:

– Ты сердишься, дитя?

– Я наказана.

– Да, ты наказана, дитя. Знаешь ли ты, за что? Поняла ли?

– За то, что нарушила долг. Знаю. Ты сказал.

– Нет, дитя. Всего лишь за неловкость.

Принцесса круто развернулась к собеседнику.

– Неловкость?! В чем? Он слагал гимны в мою честь, я имела право сделать то, что сделала. Ты же знаешь, призывающий принимает на себя последствия вызова. Боги делают то же, но их не наказывают!

– Принцесса Смерть, ты допустила оплошность. Ты забрала не одну жизнь, а две. Боги не допускают таких ошибок. А если допускают, их тоже – карают. Тебе не нужно было трогать Эвридику.

– Я не хотела забирать её жизнь. Это была случайность! Я же сказала. Она просто подвернулась под руку!

Главный Судия вздохнул, гася нетерпение и раздражение, и ласково погладил темную ткань шитого золотом рукава.

– Повторяю, дитя, ты допустила ошибку. Непрофессиональная работа. Тебе должно быть стыдно.

Холодный взгляд полыхнул огнем:

– Мне стыдно. Что ещё?

– Ты отбудешь наказание. Сполна. А потом они придут к тебе. Оба.

– А что, если вмешаются олимпийцы? Они ведь могут! Могут забрать их к себе. Дать бессмертие. И я никогда, слышишь, никогда его не увижу…

Легкая улыбка коснулась губ Судии.

– Ты так раздосадована, дитя, и так на нас обижена, что совсем потеряла способность мыслить. Здесь на этом берегу Палаты не только Смерти, здесь еще и Палаты Забвения. Для бессмертных.

Бледное, скрытое тенями лицо осветилось пониманием. И – надеждой.

– Ты хочешь сказать…?

– Да, дитя. Боги бессмертны, но не вечны. Забвение – вот истинная смерть для Бога. Когда на земле развеется дым жертвоприношений и время источит стены храмов, от всесильных сейчас олимпийцев останутся только их изваяния. Белые, холодные, пустые. А Божественный Огонь их душ вернется туда, где он начал свой путь- в пустоту. И они тоже придут к нам. Придут в твои палаты, в Палаты Забвения. Они, и все те, кого они наградили бессмертием. Поэтому утешься, говорю тебе – они придут к тебе. Оба. И оба будут – в твоей власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.